

ЯПОНИЯ: СИНТЕЗ ТРАДИЦИЙ И НОВЕЙШИХ ТЕХНОЛОГИЙ

М.П. ГЕРАСИМОВА

Кандидат филологических наук

Ключевые слова: Япония, традиции и современность, искусство, архитектура

На протяжении более полувека Япония во всем мире справедливо воспринимается как страна, ставшая одной из передовых в применении новейших технологий и в то же время сумевшая сохранить национальное своеобразие, свои национальные традиции. При этом зачастую новейшие технологии рассматриваются как нечто привнесенное извне и мало совместимое с национальной культурой. А под традициями понимается лишь неукоснительное соблюдение внешних ритуальных сторон тех или иных обычаев, создающих специфический японский колорит, комплекс же лежащих в их основе мировоззренческих принципов не учитывается.

Однако нередко самые современные технологии применяются не только в производстве, строительстве и дизайне, но и в области традиционных жанров искусства. Иногда таким образом стремятся найти новые приемы и средства художественной выразительности, иногда - возродить старинные культурные обычаи. При этом традиционные культурные и мировоззренческие ценности, не утрачивая своего прежнего значения, оказываются встроенными в современную жизнь с ее научно-техническим прогрессом и «деловитостью».

МУЗЕЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ИГРЫ

В январе 2006 г. в Киото стараниями Культурного фонда *Огура Хякунин иссю* - фонда, занимающегося поощрением изучения старинной поэтической антологии «По одному от ста поэтов» (*Хякунин иссю*)¹, и крупнейшей в мире компании по производству компьютерных игр и игровых консолей *Нинтэндо* в одном из красивейших мест Киото в горах Арасияма возле Моста лунной переправы открылся своеобразный историко-литературный интерактивный музей, в котором все залы и экспозиции оснащены оборудованием, работающим на основе использования новейших цифровых технологий.

Нинтэндо была основана в 1889 г. как компания, выпускавшая игральные карты с изображением цветов и растений. Она первой начала выпускать электронные игрушки (1970-е гг.), в 1980-х гг. изготавливала пользующиеся огромной популярностью электронные игры. Сегодня - это одна из самых крупных в мире компаний по производству компьютерных игр. Продукция Нинтэндо настолько популярна, что можно говорить о её влиянии на субкультуру во всех странах мира.

Музей назвали *Сигурэдэн*. Слово *сигурэ* означает «моросящий дождь». В старину в аристо-

кратических усадьбах так называли место, где проводили досуг или предавались каким-либо развлечениям в ненастную погоду. Со временем *сигурэдэн* стали называть тематические парки и другие места для развлечений.

Музей стал своеобразным «домом поэзии», где посетители имеют возможность играть в старинную поэтическую игру *ута-карута* (букв. «карты с текстами песен»), пользуясь устройствами на основе цифровых технологий.

Ута-карута появилась в Японии в XVII в., когда японцы через португальцев познакомились с европейской игрой в карты.

Главное ее условие - знание стихотворений, вошедших в самую известную из составленных по принципу «по одному стихотворению от ста поэтов» антологий, автором которой был прославленный поэт Фудзивара-но Тэйка (Садаиэ) (1162-1241).

На протяжении многих столетий этот сборник переписывали от руки или печатали с ксилографических досок. Текст каждого стихотворения сопровождался изображением его автора. Скорее всего, они были лишены портретного сходства, но в средние века японские художники особо выделяли в изображении детали одежды, аксессуаров, характеризовавшие автора и эпоху, поэтому в каждом отдельном случае поэты легко узнаваемы.

Популярность этой антологии

была столь велика, что многие знали все сто стихотворений наизусть даже спустя столетия после ее появления, что в XVII в. послужило толчком для изобретения карточной игры «на японский манер».

Ута-карута стала своего рода новым звеном в цепи поэтических встреч, которые издавна устраивались в Японии - на первых порах при дворе императоров (VIII в.), позднее (с XII в.) также и в среде воинского сословия, а спустя три века (с XV в.) и среди горожан - торговцев и ремесленников.

Эти встречи проводились не для того, чтобы лучше или быстрее других сложить *танка**. Глав-

Игральные карты с текстами стихотворений из поэтического сборника «По одному стихотворению от ста поэтов» для игры в *ута-карута*.

Проемы в стене над входом в здание вокзала, через которые видно небо, «использующиеся» как элемент дизайна.

ное состояло в том, чтобы создать особую атмосферу эмоциональной напряженности путем «нанизывания» стихотворений. Иными словами, каждый участник должен был прочесть стихотворение, которое по содержанию могло бы быть продолжением предыдущего.

* *Танка* (короткая песня) - нерифмованное пятистишие, состоящее из 31 слога (5+7+5+7+7).

го. Помимо этого устраивались и встречи, на которых все присутствующие по очереди сочиняли *танка* таким образом, чтобы каждое стихотворение было откликом на сочиненное предыдущим участником.

К XV в. среди горожан большой популярностью пользовалась новая поэтическая форма - *рэнга*, что в переводе означает «стихотворная цепь»². Поэзия *рэнга* также была коллективным творчеством. Однако если при «нанизывании» стихотворений во время поэтических встреч од-

но стихотворение должно было быть откликом на предыдущее, в *рэнга* строки, сочиненные одним поэтом, должны были найти продолжение в строках, сочиненных другим.

В основе игры *ута-карута* лежит этот же принцип, с той лишь разницей, что в ней не требовалась творческая активность игроков, важно было лишь помнить сто *танка*, вошедшие в сборник «По одному стихотворению от ста поэтов». На каждой карте были написаны начальные либо заключительные строфы стихотворения. Выигрывал тот, кому раньше других удавалось соединить «половинки» и составить целую *танка*.

Ута-карута стала не просто популярной игрой, но традиционным развлечением в первый день нового года.

Сегодня использование цифровых технологий позволяет расширить «игровой» диапазон этой поэтической антологии, в чем могут убедиться посетители музея *Сигурэдэн*.

Здесь на жидкокристаллическом экране размером около 50 кв. м, образующем пол в одном из за-

лов, представлены созданные средневековыми художниками портреты авторов стихотворений, вошедших в сборник, а также строки из стихотворений. Каждому посетителю вручается электронный сборник «По одному стихотворению от ста поэтов», с недостающими на «напольных» изображениях строками.

«Вооруженные» пультами дистанционного управления посетители передвигаются от одного изображения к другому в поисках «своей половины».

В остальных залах шарady, ребусы и другие игры, в том числе видео- и интерактивные игры на темы стихотворений и исторических событий эпохи, а также на знание поэтических приёмов, характерных для традиционного жанра *танка*.

Разумеется, сегодня далеко не все знают наизусть эти сто стихотворений, но высокая посещаемость «дома поэзии» свидетельствует о его популярности, причем у всех возрастных и социальных групп. Излишне говорить о пользе, которую принесло обществу сотрудничество бизнеса, науки, техники и поэзии, роль которой в жизни японцев во все времена была чрезвычайно высока.

«ПЕЙЗАЖ ВЗАЙМЫ»

Современные формы, материалы и технические средства дают дополнительные возможности и для выражения в дизайне философско-поэтических принципов, лежащих в основе традиционного мировоззрения.

Примером может служить новое здание железнодорожного вокзала в древней столице Японии Киото.

Киото - город садов, храмов и святилищ, город, в котором зародились религиозные и художественные традиции, обусловившие самобытность японской культуры. 14 монастырей и храмов Киото объявлены ЮНЕСКО памятниками всемирного культурного наследия.

Даже пейзажи вокруг города объявлены в стране национальным достоянием как «Великие виды Киото». Дело в том, что застройка города с момента его основания по сей день ведется таким образом, чтобы с каждого перекрестка можно было бы любоваться горами. Виды здешних мест описаны в произведениях классической литературы и знакомы даже тем японцам, которые никогда не бывали в городе.

В 1999 г. на фоне «Великих видов Киото» неподалеку от Восточного монастыря главного обета³ *Хигаси хонгандзи*, потемневшие от времени деревянные храмы которого с крышами, крытыми темно-серой черепицей, гармонично вписываются в окружающий пейзаж, появился занимающий огромное пространство комплекс нового вокзала. Такого сверкающего стеклом и металлом сооружения, где всё сделано по последнему слову техники и дизайна, нет нигде в Японии, да и во всем мире подобное встречается нечасто.

Решение о строительстве нового здания железнодорожного вокзала было принято в 1995 г., когда отмечалось 1200-летие основания Киото. Оно должно было стать символом движения вперед по пути прогресса при сохранении преемственности японских культурных традиций.

Несмотря на продуманность технических решений и совершенство их исполнения, масштабы и внешние формы здания, его явный диссонанс с окружающей природой у многих вызывает на-

Мотивы «отражений» в интерьере и экстерьере здания вокзала.

рекания. В то же время у нового вокзала множество поклонников, которые называют себя его фанатами - *Kyoto station fan* - и имеют свой сайт в Интернете⁴, где обсуждают особенности его архитектуры и дизайна, а также проводимые здесь мероприятия и спектакли театра, расположенного в восточной части вокзала.

Словом, новое сооружение стало достопримечательностью города, и не только в силу необычности внешнего и внутреннего облика, но и потому, что может быть примером того, как самыми нетрадиционными способами и материалами можно передать традиционные философско-поэтические идеи, духовные и эстетические ценности японцев.

Здесь многое создает ощущение пребывания на космической станции. Этот эффект достигается не только за счет конструкций и дизайна в стиле хайтек, но и благодаря приему, который из-

давня применялся в традиционной архитектуре и назывался *сяккэй*, что буквально означает «пейзаж взаимности».

Сяккэй - это использование окружающего пейзажа как составной части всего архитектурного комплекса, благодаря чему возникает ощущение гармонического единства сооружения и природы.

Частью же архитектурного облика киотского вокзала стало само небо: в массивном и внушительном сооружении в самых неожиданных местах - в стене, в проходах - возникают огромные проемы, через которые видно небо. Именно это и создает впечатление пребывания во внеземном пространстве.

В интерьере этого необычного по стилю сооружения своеобразно обыгрывается эффект иллюзорности, свойственный духу традиционного искусства, на которое оказала влияние отрицающая существование противоположностей философия дзэн-буддизма. Дзэн утверждает, что в основе истинного понимания сути вещей лежит не двойственное восприятие мира, а именно умение воспринимать истинное и ложное, реальное и ирреальное

Функциональные конструкции в форме веера над «Киотской лестницей».

как суть одно и то же, ибо в каждом из таких парных явлений содержится элемент другого. Отражения - один из наиболее характерных примеров для иллюстрации этого положения.

Зрительный эффект «отражающее-отражаемое», когда трудно определить, где одно, а где другое, характерен для всех частей этого грандиозного сооружения. Мотив «отражений» повторяют и одна из внутренних стен здания, и внешняя, в которой отражается токийская башня, и двухъярусный зрительный зал в театре, что расположен в восточном крыле вокзала. Он сооружён таким образом, что если посмотреть в зал со сцены или из первых рядов партера, создается впечатление, что первый ярус является отражением партера.

Фойе театра отличается спокойным незатейливым дизайном. Однако и здесь благодаря освещению, форме светильников (прямые столбы, увенчанные плафонами в форме усеченного конуса, расширяющегося вверх) и их расположению пол со стоящими на нем светильниками кажется отражением потолка и наоборот.

Чистота линий, отсутствие каких-либо декоративных деталей в этом царстве белого и градиций серого - от светлого до почти черного - создают впечат-

ление строгой элегантности в японском духе. Единственное цветное пятно здесь - яркочерная ковровая дорожка, устилающая лестницу, ведущую в театр. Она служит намеком на красное полотно, которым покрывали скамейки перед первыми чайными домами, где девушки, обслуживающие путников, - прообразы гейш, развлекали их песнями и танцами. Покрытые красной тканью скамейки и сегодня можно увидеть в местах, где устраиваются чайные церемонии или просто предлагают выпить чай.

Однако несмотря на множество подобных многозначных деталей, главным свидетельством и символом преемственности традиций стала расположенная в зале вокзала широкая и длинная лестница, уходящая в... небо.

По обе стороны лестницы установлены эскалаторы. Лестница и движущиеся параллельно ей эскалаторы кажутся уходящими в бесконечность благодаря тому, что верхние ступеньки и лестницы, и эскалаторов переходят в открытую смотровую площадку, отчего и создается впечатление, что они уходят в небо. Лестницу и эскалаторы осеняют гигантские веера (складные веера были изобретены в Киото много веков назад), сооруженные из серого с мягким блеском материала. Поднимающемуся кажется, что и лестница, и эскалатор уходят в небо, а спускающийся не видит их конца.

Всё это создает впечатление непрерывного потока.

Поток - *нагарэ* - для японцев является метафорой человеческой жизни. Другой метафорой человеческой жизни являются странствия. Странствия же стоят в одном ассоциативном ряду с вокзалом.

Необычные лестница и эскалатор в здании вокзала в Киото - не просто функциональные части сооружения. Они несут в себе определенный смысл, создающий соответствующий психоэмоцио-

«Киотоская лестница», уходящая в «бесконечность».

нальный настрой. О том, что эффект не случаен, говорит и присвоение этой части сооружения названия «лестница Киото» и включение ее в число «Великих видов Киото».

Убедительным свидетельством того, что архитекторам, дизайнерам и строителям удалось на этой «космической станции» воссоздать дух города, свидетельствует возникший обычай влюбленных приходить сюда и подолгу молча сидеть на уходящей в небо лестнице.

Этот обычай может быть непонятен иностранцу, но каждому жителю Киото знакома (а жителям других городов Японии известна) характерная для города картина, которую можно наблюдать и сегодня: берег реки Камогава, усыпанный влюбленными парами, которые в сумерках молча сидят в торжественной тишине у воды, зачастую с традиционными изящными коробочками с едой в

руках. Это своего рода ритуал.

На вопрос, почему они ходят сюда, ответ, как правило, - «здесь особое настроение».

Точно так же влюбленные молча сидят с этими коробочками на уходящей в небо лестнице, которая осенена гигантским веером из сверхсовременного материала, гармонирующим с невиданным до сих пор интерьером. Поэтому что здесь, говорят они, возникает «то же особое настроение».

Видимо, здесь происходит эмоциональное отождествление этой уходящей в небо лестницы с рекой, с бесконечным потоком.

Значит, архитекторам в здании вокзала, где снуют уезжающие и приезжающие, удалось воссоздать атмосферу вечерних сумерек на берегу реки, в том месте, откуда открывается вид на один из пейзажей «Великих видов Киото» и где возникает столь необходимое японцам «особое настроение» от осознания своего сиюминутного существования в потоке вечности, ставшее лейтмотивом японского искусства.

«НЕ ИДИ ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ, НО ИЩИ ТО, ЧТО ИСКАЛИ ОНИ»

Об умении японцев воссоздать нужную атмосферу, провоцирующую ожидаемый душевный отклик, говорит и реакция японских интеллектуалов на созданные современным японским художником национальной живописи *нихонга*⁵ Табути Тосио монохромных пейзажей в жанре

суйбокуга (букв., «картина, написанная водяной тушью»).

Выставка, устроенная в выставочном зале *Такасима* - *Суйдоба* в 2009 г., на которой они были представлены, стала одной из сенсаций в художественном мире Токио. Это были не просто картины в виде вертикальных свитков *какэмоно*, какие обычно вешают в нишах *токонома** в домах или в залах для медитаций. Это были грандиозные раздвижные стенки-перегородки *фусума*, перевезенные в Токио из киотоского монастыря Накопленной мудрости - *Тисякуин*.

Жанр *суйбокуга* появился в странах Дальнего Востока - в Китае и Корее - в IX-XII вв., а позже и в Японии многие мастера стали работать в этом жанре, и постепенно *суйбокуга* приобрел «японское своеобразие»⁶.

Суйбокуга считались «высокой» живописью с глубоким философским подтекстом. При дзэн-буддийских монастырях эти картины служили объектом созерцания во время медитаций. Философская значимость картин основывалась на изображении природы как космического начала. Для выражения этой идеи средствами живописи существовали определённые приемы: значительная часть пространства шелка или бумаги, на которой писался пейзаж, оставалась незаполненной, что олицетворяло собой одно из важнейших понятий буддийской философии - *му* (Пустоту) как субстанцию, из которой всё появляется и в которой исчезает, продолжая существование в неявленной форме.

Отличительной чертой этой живописи была также своеобразная незавершенность, в чем находила выражение идея бесконечности и изменчивости мира, также лежащая в основе философии дзэн-буддизма и ставшая

* *Токонома* - ниша, в которой висит живописный свиток и стоит ваза с цветами, собранными в букет по законам *икебана*. Имеет не столько декоративное, сколько сакральное значение.

одной из тех буддийских идей, которые были восприняты синтоистским сознанием как родственные. Поэтому *суйбокуга* являются нам реальный мир - горы, людей, лодки, цветы и т.д., возникающим из пустого пространства, воспринимаемого как Пустота, и снова исчезающим, растворяющимся в нем, как в тумане, а удары кисти художника, движущаяся по бумаге (или шелку) в определенном ритме, передают эмоциональный строй запечатленного на картине мгновения. Художник писал природу не с натуры, а обобщенно воспроизводил ее облик по памяти в едином акте творческого порыва. Дописывания и переделки были недопустимы.

Одним из наиболее прославившихся японских мастеров этого жанра был Хасэгава Тохакү (1539-1610). В главном монастыре буддийской школы *Сингон* в Киото - в монастыре Накопленной мудрости *Тисякюин*, о котором идет речь, он расписал *фусума* (1592), положив начало «живописи кленов и вишен». Этот монастырь известен также садом, который особенно любил основатель классической формы японской чайной церемонии Сэн-но Рикю (1521-1591)⁷.

В этом же монастыре *Тисякюин* в наши дни художнику Табути Тосио выпала честь расписать 60 *фусума* огромного размера в храме, где он изобразил времена года в разное время суток.

Цветущая сакура, травы, сосны, бамбук - классика дальневосточной живописи - изображены как явление, характеризующее времена года, в их ярчайшем проявлении, постепенно возникающими и исчезающими словно в тумане в Небытие. Иными словами, Табути выразил красоту мгновения, тонущего в Вечности, - всё тот же лейтмотив японского искусства.

Критики назвали выставку росписей Табути Тосио «Выставкой *суйбокуга* XXI века», а работы художника, в которых он по-

своему передает, как того требует жанр, красоту мгновения, тонущего в Вечности, характеризовали как новый шаг в развитии жанра.

Однако *суйбокуга* Табути Тосио признаны новаторскими в этом жанре живописи отнюдь не потому, что он пользовался в процессе работы современной техникой (например, проецировал каждый из своих многочисленных эскизов на экран с помощью проектора), хотя это личное «*ноу-хау*» художника нельзя не отметить. Сам факт работы подобным образом в жанре, традиционно предполагающем единый акт творческого порыва, в котором усматривается определённая сакральность, - нечто новое, но, судя по реакции и религиозной, и светской общественности, не возбраняемое, если конечный результат соответствует заданной цели.

Работы Табути Тосио восприняты как новый шаг в развитии жанра *суйбокуга* в силу их художественных особенностей и акцентов. В целом - это гимн природе. По характеру рисунок Табути более спокоен и «филигранен», чем рисунки старых мастеров этого жанра, его линии более изящны и тонки, меньше тяжелых мазков. Они кажутся более законченными. Все шестьдесят росписей объединены одной идеей - быстротекущего и бесконечного времени, в лоне которого неизменно возникают зима, весна, лето и осень. Словом, Табути Тосио удалось выполнить заповеданное Кукайем⁸, патриархом школы *Сингон*, к которой и принадлежит монастырь Накопленной мудрости, «не иди по следам древних, но ищи то, что искали они».

* * *

Таковы лишь несколько образцов совмещения классического с новым, с современным, в какой бы форме это ни происходило. Лишь частные примеры из великого множества других, затра-

гивающих одновременно сферы науки, техники, литературы, градостроительства, экономики, искусства, религии.

Но и они показывают, что современные технологии, материалы, формы, методы не только не препятствуют сохранению традиционного философско-поэтического мировосприятия, но в некотором роде способствуют его поддержанию, подобно тому, как на протяжении всей истории японской культуры многие «зайствованные» элементы служили новыми средствами выражения главного, что лежало в основе национальных убеждений японцев и способствовало укреплению специфических особенностей их собственной культуры.

Фото автора

¹ Сборник «По одному стихотворению от ста поэтов» вышел в русском переводе В. Сановича под названием «Сто стихотворений ста поэтов» в 1994 г. в Санкт-Петербурге.

² В *рэнга* чередовались стихи в 5-7-5 и 7-7-7 слогов, иначе говоря, трехстишия и двустишия. Участников могло быть любое количество, задача заключалась в том, чтобы к трехстишию «дописать» двустишие так, чтобы каждая строфа перекликалась с соседней. Первая строфа в 5-7-5 слогов называлась *хокку*.

³ Главный обет - один из 48 священных обетов, который дал будда Амида, обещающий каждому верующему в него дорогу в рай.

⁴ <http://www.soudosuka.com>

⁵ *Нихонга* - обобщенное название национальных видов японской живописи со второй половины XIX в. в противопоставление западноевропейской живописи *эга*.

⁶ Подробнее см.: Николаева Н.С. Искусство Японии, 2002.

⁷ Подробнее см.: Герасимова М.П. «Путь чая» - гармония, уважение, чистота, спокойствие (История, философия, ритуал). Знакомьтесь - Япония. М., Япония сегодня, 2005, № 41.

⁸ Кукай (774-835) - посмертное имя Великого наставника в законоучении *Кобо-дайси*, восьмого патриарха школы *Сингон*, известного современникам также, как ученый, художник, каллиграф. Кукайю приписывается создание японской слоговой азбуки.